

Парень, стоявший на лестничном пролете, бесстрастно поднял голову на Се Чу. Он явно был удивлен встрече; большая часть его фигуры была скрыта тьмой лестницы, и лишь холодный блеск черных глаз выдавал его присутствие.

Се Чу прислонился к стене, его красивые глаза весело сощурились, создавая обманчивое впечатление искреннего дружелюбия:

— Привет, товарищ. Ты ведь Чжай Янь?

Парень, казалось, поразился тому, что Се Чу знает его имя. Он замялся, не зная, что предпринять, и в нерешительности крепко сжал кулаки, не проронив ни слова.

— Твое фото висит у входа в корпус «Чжаньмэй». Скажи, те продукты в банкетке – твои?

Ресницы Чжай Яня дрогнули, он опустил голову и спустя долгое время едва слышно выдавил:

— ...Да.

— Почему ты хранишь еду там, а не в комнате? — Спрашивая, Се Чу начал спускаться. На лестнице было хоть глаз выколи, поэтому он шел осторожно и остановился в паре шагов от Чжай Яня, соблюдая приличную дистанцию.

Чжай Янь явно не привык общаться с людьми и тем более не ожидал, что Се Чу подойдет так близко. Хоть парень и стоял поодаль, Чжай Янь начал инстинктивно пятиться, всем своим видом выражая протест. Он отступал, пока не оказался на самом краю ступеньки – еще шаг, и он полетит вниз.

Его тело качнулось, он потерял равновесие. Се Чу, вскрикнув от неожиданности, в два прыжка преодолел разделявшее их расстояние и схватил его за руку:

— Осторожно!

Чжай Янь был холодным, как лед, — возможно, из-за тонкой одежды и ночной прохлады, царившей в школе.

Когда теплая ладонь Се Чу обхватила его запястье, у Чжай Яня в голове словно что-то загудело, и он позволил так легко вернуть себя в устойчивое положение.

Се Чу не знал, смеяться ему или плакать:

— Я просто задал вопрос, не хочешь – не отвечай...

— Потому что... — Чжай Янь ошеломленно смотрел на руку Се Чу, лежащую на его запястье. — ...Потому что в общежитии ее отберут.

— Отберут? — Се Чу не ожидал такого ответа. Правой рукой он ощущал ледяную кожу Чжай Яня, в то время как левую то и дело сжимал Черный туман. Его мысли на мгновение спутались: он не понимал, зачем кому-то отбирать еду.

Ему вспомнились какие-то комедийные ролики из соцсетей, где соседи по комнате в шутку набрасываются на еду, точно голодающие беженцы.

«Не может же быть всё так серьезно...»

Се Чу видел, что парень перед ним хоть и высокий, но очень худой. Поняв, что тот просто очень застенчив, он смягчил голос:

— Почему отберут?

Кончики ушей Чжай Яня, скрытого ночной тенью, покраснели. Он отвел взгляд, украдкой поглядывая на лицо Се Чу.

На лестнице не было автоматического освещения. Время близилось к четырем утра, и лунного света уже не хватало, чтобы рассмотреть черты лица собеседника.

Но Чжай Янь видел всё предельно ясно.

Это лицо Се Чу — притягательное и до крайности обманчивое.

Чжай Янь опустил голову. Он всё еще стоял на самом краю, удерживаясь лишь благодаря руке Се Чу. Все его чувства обострились до предела, но именно на ощущении чужой руки, сжимавшей его запястье, он боялся сосредоточиться.

— Они запрещают мне есть в комнате или в классе. Разрешают только в туалете...

— ... — Се Чу всё понял. Парень перед ним стал жертвой жестокой травли, масштаб которой трудно было даже вообразить.

В то же время его охватило раскаяние: он действительно съел чужую «зачатку». Теперь ситуация выглядела скверно: он объел человека, у которого и так ничего нет.

Хорошо еще, что перед ним оказался обычный студент, а не кровожадный монстр.

Тут возникла дилемма: по натуре Се Чу не был склонен к чрезмерному состраданию. Его доброта или злоба зависели исключительно от настроения, а окружающие чаще всего описывали его одним словом — «проблемный».

Но сейчас ему волей-неволей пришлось посочувствовать, ведь... в банкетке действительно не осталось ни крошки.

Се Чу отпустил руку Чжай Яня, чувствуя неловкость:

— Слушай... я не знал, что это твоя еда. Мне очень жаль. Я куплю тебе ещё и всё возьму.

Чжай Янь посмотрел на свое освобожденное запястье и незаметно накрыл его другой ладонью.

«... Тепло».

— Ничего страшного. Тебе... тебе было вкусно? — Голос Чжай Яня был тихим, как писк комара, но Се Чу расслышал.

Парень опешил:

— Вкусно... да нет, дело не в том, вкусно мне было или нет! Ты ведь сегодня ничего не ел?

Чжай Янь промолчал.

«Ясно, значит, не ел».

Се Чу даже в пот бросило от чувства вины. Он с досадой взглянул на небо:

— Столовая в вашей школе сейчас открыта?

Чжай Янь серьезно покачал головой:

— Столовая открывается только в шесть.

Но было очевидно: те люди не позволят ему спокойно поест в столовой, иначе зачем бы он запасался вредными снеками? Какой бы вкусной ни была сухоятка, она не заменит нормальный обед.

Се Чу призадумался, а затем вдруг лукаво улыбнулся:

— Скажи, в вашей школе много деревьев?

Чжай Янь недоуменно хлопнул глазами, глядя в этот момент на редкость наивно:

— ...А?

Ночь подходила к концу. Луна клонилась к западу, и в женском общежитии, где скоро должна была начаться побудка, наконец стало чуть тише.

— Тсс.

Хэ Цзяоцзяо, обливаясь потом, но сохраняя лихорадочный блеск в глазах, вглядывалась в щель шкафа. Она мертвой хваткой зажимала рот сидевшей рядом девушке, гася ее всхлипы. Сейчас эта восемнадцатилетняя школьница напоминала напряженного до предела волка.

Они вдвоем забились в тесный платяной шкаф, с ужасом прислушиваясь к звукам снаружи.

Всё случилось внезапно: когда они уже собирались выключить свет и лечь спать, под дверь просунули записку.

«НЕ ЗАКРЫВАЙТЕ ГЛАЗА».

Этот клочок бумаги заставил троих девушек буквально окаменеть от страха.

Какое-то время они не смели даже шевельнуться, но в итоге усталость взяла свое.

Они надеялись перетерпеть ночь, но после отборочного тура в автобусе, психологического потрясения и краха всех их материалистических взглядов силы были на исходе.

И вдобавок над ними нависла неопределенная, но пугающая угроза.

Словно Дамоклов меч, она едва держалась на волоске, грозя свести их с ума.

За эту ночь они бесчисленное количество раз бегали в туалет умываться, чтобы хоть как-то взбодриться, но беда всё равно пришла.

После того как одна из девушек внезапно встала и в девятый раз отправилась к раковине, в дверь комнаты начали неистово колотить.

— Бум!

— Бум-бум-бум!!

Хэ Цзяоцзяо и сидевшая рядом Цзян Юань подскочили со своих мест, и ужас вновь завладел ими.

Хэ Цзяоцзяо сообразила мгновенно: она бросилась к двери санузла и принялась отчаянно колотить в нее. По какой-то причине дверь, замок которой был сломан, теперь стояла намертво – две девушки никак не могли ее выбить.

— Чэнь Шу?! Чэнь Шу!! Ты что, уснула?!

Из-за двери не доносилось ни звука, и нервы Хэ Цзяоцзяо и Цзян Юань окончательно сдали.

В дверь комнаты продолжало ломиться нечто неведомое; со стены вокруг дверной коробки уже начала осыпаться штукатурка.

Что делать...

Что же делать?!

У Цзян Юань от страха подкосились ноги, и она тяжело рухнула на письменный стол, больно ударившись спиной.

— Цзяоцзяо! Что нам делать?!

Лицо Хэ Цзяоцзяо, не сводившей глаз с двери туалета, несколько раз изменилось. Она лихорадочно искала выход, и вскоре ее взгляд забегал по комнате:

— Сначала спрячемся!

— Не знаю, нарочно ты там заперлась или нет, но теперь каждый сам за себя, — Хэ Цзяоцзяо в последний раз ударила в дверь туалета, а затем схватила Цзян Юань за руку, и они вдвоем втиснулись в шкаф.

— Бабах!

Как только дверцы шкафа закрылись, дверь комнаты была снесена мощным ударом. Полотно сорвалось с петель и рухнуло на пол, подняв облако пыли. Следом внутрь, качаясь, ввалилось нечто.

Это было худое и длинное существо, похожее на смятого резинового человечка. Его руки и ноги были вытянуты более чем на метр; ладони волочились по полу, оставляя за собой кровавые следы. Шея бесконечно удлинялась, а в глазницах головы вместо глаз торчали бутоны цветов.

Окровавленные цветы плотно заполняли глазницы; при каждом движении монстра несколько увядших лепестков опадало на пол. Если присмотреться, можно было заметить, что цветы живые.

Стебли медленно извивались внутри черепа, и, судя по всему, именно они управляли движениями чудовища. Монстр в неестественной позе ощупывал и осматривал комнату.

Его голова, точно гибкая змея, потянулась вверх, «осматривая» двухъярусные кровати. Видимо, не обнаружив никого, существо пришло в ярость: стебли в глазницах зашевелились быстрее.

Шипы на стеблях глубоко впивались в плоть глазниц, вызывая обильное кровотечение.

Чудовище жалобно закричало. Оно скорчилось посреди комнаты, закрыв лицо своими длинными уродливыми руками и пытаясь вырвать паразитов из глаз; лепестки сыпались сквозь пальцы в жутком, гнилом танце.

— А-а-а... — из его пасти вырвался надрывный плач. Тварь сжалась в комок, пытаясь своим жалким видом выманить жертву.

Огромное, гротескное существо казалось порождением городских легенд или хоррор-рассказов.

Цзян Юань начала понемногу расслабляться, но Хэ Цзяоцзяо по-прежнему крепко держала ее, не давая пошевелиться.

Она знала: ни монстр, ни Чэнь Шу не были настолько милосердны.

С этими мыслями Хэ Цзяоцзяо крепче сжала дрожащими пальцами свой разделочный нож.

Пока девушки пребывали в предельном напряжении, из туалета внезапно донесся едва слышный звук.

Сердце Хэ Цзяоцзяо екнуло.

Это был звук упавшего флакона с гелем для душа.

Чэнь Шу совершила ошибку. Она выдала себя. Она была обречена.

Чем опаснее становилась ситуация, тем спокойнее делалась Хэ Цзяоцзяо.

Она почти сразу поняла, что сейчас произойдет, и осознала, что это лучший момент для побега. Рано или поздно монстр обыщет всю комнату и найдет их – это лишь вопрос времени.

Чэнь Шу уже не спасти, но у них двоих еще есть шанс.

Мозг Хэ Цзяоцзяо работал на полную мощность, воскрешая в памяти план кампуса и дорогу к спортивной площадке, которую она заметила перед заселением. В тесноте шкафа она сильно сжала плечо Цзян Юань.

Это был их заранее оговоренный знак, означавший одно: «Бежим».

Затаив дыхание, они ждали переломного момента. Трусика Цзян Юань беззвучно плакала, и слезы насквозь пропитали ее воротник.

И тут...

— А-А-А-А-А-А-А!!

Монстр безошибочно вычислил местонахождение жертвы. Мгновенно отбросив притворную жалость, он с искаженным лицом бросился к туалету и в пару секунд вынес дверь.

Изнутри раздался полный первобытного ужаса крик Чэнь Шу, от которого волосы вставали дыбом.

Следом послышался грохот падающих вещей и мольбы девушки о пощаде.

В ту же секунду Хэ Цзяоцзяо решилась: она пинком распахнула дверцы шкафа. У них не было смелости даже оглянуться на туалет. Цзян Юань, размазывая слезы и сопли по лицу, рванула вслед за подругой, и они вихрем вылетели из комнаты.

— Спасите!!

— Цзяоцзяо! Цзян Юань! Простите меня! Я не хотела!!

— Я не хочу умирать...

Вопли в комнате сменились звуками мерзкого чавканья. Хэ Цзяоцзяо чувствовала, как немеют руки и ноги, но они с подругой буквально перелетали через ступеньки, не обращая внимания на ушибы.

— О чем это она кричала?! — Цзян Юань на ходу вытерла глаза, едва поспевая за Хэ Цзяоцзяо.

Та лишь холодно бросила, не оборачиваясь к зданию общежития:

— Получила по заслугам.

Ветер свистел в ушах, пока они неслись вниз, точно мастера паркура. Мысли Хэ Цзяоцзяо становились кристально ясными.

Она вспомнила сцены в том школьном автобусе.

В этом замкнутом пространстве, превратившемся в настоящую бойню.

Когда чужая кровь заливала ей глаза, Хэ Цзяоцзяо с пустым взглядом раз за разом вонзала нож в чужие тела.

Ей доводилось видеть, как забивают свиней: когда животное прижимают к земле, оно уже не может сопротивляться.

Оно лишь издает леденящий душу хрип из самой глотки.

Это был горестный плач перед лицом неизбежной смерти.

Лишь когда автобус замер, она выпустила из рук тело обезглавленного мужчины и медленно вытащила разделочный нож.

[Поздравляем игрока Хэ Цзяоцзяо с досрочным выполнением задания и прохождением отборочного тура!]

[Награда: предмет среднего уровня – «Острый разделочный нож»]

— Цзяоцзяо! — Цзян Юань вскрикнула, ее нога подвернулась, и она кубарем покатилась по лестнице, разбивая лицо в кровь.

Этот крик вернул Хэ Цзяоцзяо к реальности. Она резко затормозила и обернулась – ее зрачки сузились.

Цзян Юань сидела на полу, всё ее лицо было залито кровью, а прямо за ее спиной стоял монстр

с окровавленной пастью.

С его губ свисали клочья девичьих волос, вперемешку с ошметками мяса и кровью, которая капала на пол за каждым его шагом.

Тварь догнала их слишком быстро.

Хэ Цзяоцзяо пару секунд глубоко дышала, подавляя парализующий страх, а затем в два прыжка бросилась вперед.

Ее логика была проста: от этого монстра не убежать. Рано или поздно он их прикончит, так что лучше попытаться убить его сейчас, пока еще остались силы.

Она сделала тот же выбор, что и в автобусе.

Цзян Юань увидела, как девушка с длинными черными волосами в школьной форме перехватила разделочный нож обратным хватом и с ледяным лицом бросилась в атаку.

— А-А-А-А-А-А!!

Пронзительный крик затерялся в ночной тишине, спугнув стайку воробьев.

Се Чу, сидевший на ветке дерева мушмулы и бросавший плоды вниз, вздрогнул и со странным выражением лица посмотрел в сторону женского общежития.

Стоявший под деревом Чжай Янь, который чинно ел мушмулу, тоже затрепетал ресницами и поднял взгляд на Се Чу.

Когда этот парень о чем-то серьезно задумывался, его лицо всегда становилось холодным.

Но Чжай Яню казалось, что в такие моменты он просто чертовски притягателен.

Придя в себя, Се Чу спрыгнул вниз с горстью плодов и всучил их Чжай Яню:

— Я так и знал, что в этой школе найдутся такие деревья. Директор в моем университете посадил вдоль аллеи целую кучу личи, так студенты их вчистую объели.

— Личи здесь нет, но мушмула тоже сойдет. Набей пока живот чем есть, — Се Чу улыбнулся. Плоды были нематыми, но Чжай Янь уплетал их за обе щеки и выглядел вполне довольным; видимо, мушмула пришлась ему по вкусу.

Рука Чжай Яня, чистившая плод, замерла:

— Ты... ты уже уходишь?

Се Чу оглянулся на небо:

— Скоро рассвет, мне нужно потихоньку возвращаться в комнату. А то мои соседи решат, что я пропал. Не забудь доесть всё, что я собрал.

Он нарвал не так уж много — как раз на одного человека. Мушмула — всего лишь фрукт, да и созрела она не до конца: от избытка кислоты зубы может свести.

Се Чу пошел прочь, пятясь и улыбаясь на ходу:

— Если те придурки продолжают тебя доставать, приходи в 404-ю. Меня зовут Се Чу. Твою еду я обязательно как-нибудь возьму.

Чжай Янь стоял под деревом с охапкой мушмулы в руках, провожая взглядом удаляющуюся фигуру.

Спустя долгое время он с бесстрастным лицом начал запихивать плоды в рот один за другим. Теперь он не утруждал себя очисткой кожицы, а просто заглатывал всё целиком, и от его прежней манеры есть не осталось и следа.

Он с хрустом разгрызал косточки, сок стекал по подбородку, а Чжай Янь механически поглощал фрукты, пока они не закончились.

Напоследок он медленно вытер рот рукавом и произнес всего одно слово:

— Гадость.

<http://bllate.org/book/22490/2373487>